

Рец. на кн.: Савицкий, В. М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии [Текст] : учеб. пособие / В. М. Савицкий ; Поволж. гос. соц.-гуманит. акад. – Самара : Изд-во Поволж. гос. соц.-гуманит. акад., 2011. – 96 с.

Новые книги Владимира Михайловича Савицкого, доктора филологических наук, профессора Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, лингвистическая общественность всегда ждет с большим нетерпением. Его работы, как и работы его аспирантов, интригуют оригинальностью тем, нетривиальным подходом к постановке научной проблемы и к ее решению, энциклопедизмом привлекаемых знаний.

Книга, честь написать рецензию на которую мне оказал сам автор, свидетельствует о совершенно новых гранях его таланта. С одной стороны, он предстает как оригинальный лингвист-мыслитель: перед нами лингво-философское эссе, ценность которого – в неспешных размышлениях о языке, знаке, культуре. С другой стороны, профессор Савицкий демонстрирует профессиональные качества и опыт психолога-когнитивиста, рассуждая о концепте как ментальной сущности и об операциях, которые проделывает с ним человеческое сознание. Наконец рецензируемая книга – результат деятельности педагога и наставника, великолепное учебное пособие, без которого теперь уже не обойдется ни один аспирант, пишущий на лингвистические темы.

Для разговора о серьезных филологических проблемах неожиданно избран шутиливо-ироничный тон, за которым скрыты философская мудрость и напряженная работа пытливого ума. Жанр эссе действительно оправдан для научной рефлексии по поводу сложной в плане когнитивного освоения и сравнительно молодой отрасли языковедения – лингвоконцептологии. В книге представлены семь эссе, каждое из которых направлено на создание глобальной стратегии подлинно научного описания лингвокультурных концептов.

В первом эссе рассматриваются проблемы, связанные с определением объема и

содержания ключевого понятия лингвокультурологии – «лингвокультурный концепт». Справедливо констатируется, что, «несмотря на многочисленность дефиниций... до сих пор не установлен такой комплекс четких критериев, который позволил бы определить, что является лингвокультурным концептом, а что нет – не в общем теоретическом, а в эмпирическом плане, применительно к отдельно взятым “сгусткам смысла”, то есть семантическим единицам, – и распознать концепты среди логических и эйдетических понятий, гештальтов, фреймов, коллективных представлений, образов, идей, тропов, символов, лексических значений и т. д.» (с. 5). В результате «молодые исследователи порой называют концептом чуть ли не всякую семантическую единицу. ...понятие “концепт” размывается. Возникает впечатление, что диссертанты, выделяя концепты, порой руководствуются скорее интуицией, чем научным методом» (там же).

Профессор Савицкий абсолютно прав, когда напоминает диссертантам о несовпадении логических понятий и концептов, о различиях между обыденным и концептуальным сознанием, о различиях в национальном восприятии мира и о разной степени сформированности картин мира: «С понятийной точки зрения мы видим одну лексическую синонимию, гипонимию и вообще членение мира, а с концептуальной – другие. Значит, называя слова синонимами или гипонимами и в целом рассуждая о когнитивной “сетке”, наброшенной на мир, диссертантам следует оговаривать тип семантических отношений между словами и характер картины мира» (с. 8).

Второй раздел пособия (эссе 2) посвящен анализу видов связей и отношений между концептами и также основывается на критически ориентированном размышлении о корректности их исследовательской оценки: в частности, критикуется смысловое содержание терминов «поле концепта» и «поле концептов», выдвигается резонное предложение применять, вслед за Г.Г. Слышкиным, вместо первого – «зона концепта», вместо второго – «концептуальное поле». Автор пишет о том, что, наконец, пора «отчетливо разграничить понятия “концептуальное поле” и “концептос-

фера» и каждому дать дефиницию» (с. 10). Я поддерживаю этот призыв, поскольку, как научные руководители диссертационных сочинений, мы часто сталкиваемся с полным неразличением этих феноменов молодыми исследователями.

Лингвистам с большим исследовательским стажем также полезно будет усвоить некоторые, кажущиеся простыми, истины: не стыдясь своего невежества, скажу – только из этой работы узнал, что «отношение объектов основано на их сходстве, приводящем к возникновению упорядоченного набора объектов, а связь – на их взаимодополнительности, приводящей к появлению единого нового объекта» (с. 12), и пусть «прикуют» меня к «позорному столбу» те из моих коллег, кто знал это раньше!

На мой взгляд, оправданы опасения ученого, фиксирующего постоянное неразличение молодыми исследователями концепта и его имени, лексико-семантических полей и полей концептуальных. Пафос призыва к логике описания непростых отношений между концептом и его десигнатором(ами) отражен в названии работы: «Идея [читай: концепт], схваченная знаком [читай: словом]», не значит, что идея и есть знак. Автор предлагает более внимательно изучать трудноизмеримые связи и отношения между ментальными сущностями и их вербальными экспликациями; он, в отличие от «самоуверенных юных гениев лингвистики», тревожится по поводу корректности детерминации этих отношений в диссертациях: подраздел 2.3 сплошь состоит из тревожных вопросов: «Какую роль здесь (имеются в виду случаи, когда один концепт передается несколькими словами. – А. О.) играет разграничение значений слов в лексическом поле? Совпадает ли оно с разграничением концептов в концептуальном поле? Изоморфны ли структуры этих полей? Существует ли однозначное соответствие лексических значений и концептов? Если да, то можно ли считать концепт “обогащенным” лексическим значением? Если же нет (если концепты жестко коррелируют со значениями), то каковы критерии выявления и дифференциации концептов? Значения дифференцируются по их закреплению за словами, что позволяет строить лексические оппозиции, вести компонент-

ный анализ значений и составлять словарные дефиниции. А как выявлять и противопоставлять друг другу концепты, коли они коррелируют со словами жестко?» (с. 15).

Отмечу еще один «концептуально» значимый положительный эффект данной работы, рефлексированный во втором эссе: задавая вопросы самому себе и читателю, ученый предлагает оригинальные решения некоторых проблем, возникающих при лингвоконцептологическом исследовании. Так, для более детальной типологизации концептов и решения «вопроса об отношении между денотативной направленностью концепта и его сигнификативно-прагматическим наполнением» предлагается рассматривать «концептуальные кластеры» как «совокупности концептов, освещающих один и тот же многогранный объект с разных сторон и в итоге составляющих его объемную картину во всей ее противоречивости» (с. 20), что дает возможность выделить концепт-эталон и концепт-стереотип в социальной сфере коммуникации (сословно-классовое восприятие таких концептов показано на примере концепта *интеллигент*, и – отголоском – далее в рассуждениях о концепте и концепции *коммунизм*).

Мне кажется разумным предложение профессора Савицкого «подходить к концептам с объективных позиций, то есть рассматривать их... как коллективное достояние», что позволило бы «различать индивидуальные, классово-сословные, общенациональные, общерегиональные, общечеловеческие концепты» (с. 23) и построить иерархию (или, по выражению автора, «мегапирамиду») концептов, на методологической основе которой можно изучать интересующие исследователей участки языковой действительности.

Важно, на мой взгляд, вопрос об изучении динамики сближения концептосфер классового, этнического, религиозного и институционального уровней. Говоря об этом феномене, автор констатирует, что «наш (русский, постсоветский. – А. О.) менталитет, а значит, и концептосфера мало-помалу сближаются с западными, отражая взаимодействие этно- и социоконцептосфер, процесса живого и активного. Критерии разграничения социально-политических и этнокультурных категорий размыты, и это не есть недоработка класси-

фикаторов; это есть отражение объективного положения дел» (с. 26–27).

Доказывая идею о взаимном наложении (суперпозиции) нескольких концептосфер, профессор Савицкий приводит факт сосуществования на одной территории трех типов культур – этнической (французская), социальной (буржуазная) и религиозной (христианская), каждая из которых обладает своей концептосферой. Как полагает автор (и с ним нельзя не согласиться), «наблюдается взаимопересечение нескольких кругов, но не на уровне отдельного концепта, а на уровне целых концептосфер. Человеческая личность... <...> ...пребывает на пересечении упомянутых кругов». Такое образование предлагается именовать *концептосферный комплекс* (с. 27).

В третьем эссе отражена попытка разбраться в противоречиях, возникших в связи с оценкой концептной «лакунарности». Не буду демонстрировать то, насколько хорошо я усвоил про- и контраргументы автора по поводу того, существуют концептуальные лакуны или нет, и если существуют, то что представляет собой этот когнитивный феномен, лишь приведу яркую цитату из первоисточника: «А что такое собственно лакунарный концепт? Это своя затычка для дырки в концептосфере; притертая пробка, изготовленная для данного флакона, но утерянная. Это концепт отсутствующий, но имманентный данной культуре, виртуально присущий ей, но не используемый (подобно языковым формам типа *мечт). Его надо устанавливать не на фоне рода, а внутри лингвокультуры. Теоретически – это такой концепт, наличие которого предусмотрено данной культурой и для которого есть точная ячейка в данной концептосфере, но его там почему-то нет. А практически? Мне нелегко это представить. <...> Возможно, это концепт, который вытеснен людьми в коллективное бессознательное? Как файл в “корзину”. Отсутствуя в сознании, он из сферы бессознательного подспудно воздействует на психическую деятельность людей. В сознании существует ячейка для него, имеющая определенную конфигурацию и потому сама по себе в некоторой мере влияющая на строение концептосферы (как дырка от выпавшего кусочка мозаики). Такой концепт можно восстановить в сознании (извлечь файл

из “корзины”). Может быть, это и есть лакунарный концепт? То есть “концепт, забытый культурой”» (с. 35–36).

Далее (в эссе 4) представлена позиция автора по поводу составляющих лингвокультурного концепта, которые он, вслед за В.И. Карасиком, называет аксиологической, понятийной и образной, однако задается вопросом: «А если какой-нибудь составляющей у семантической единицы нет? Что это за единица?» (с. 39). Он вполне логично сомневается в том, что *все* концепты могут быть ценностно заряжены: «Все ли, что мы знаем, составляет объект нашего ценностного отношения? Слишком много в мире вещей, чтобы все их оценить. Да и не всегда это нужно» (там же).

На ярких примерах доказывается, что у многих образований, именуемых концептами или претендующих на этот статус, не имеется понятийной составляющей; у других нельзя выделить образный компонент. Следовательно, все три элемента имеют место в структуре концепта, но по-разному репрезентированы в ней и не рядоположены друг другу: «Понятийная и аксиологическая составляющие, – пишет В.М. Савицкий, – суть элементы содержания концепта, а образная представляет собой средство их выражения. <...> ...Можно сказать и так: концепт имеет *два* вертикально расположенных компонента – тематический и образный, а тематический имеет два аспекта – понятийный и аксиологический» (с. 43–44).

Всё сказанное означает, что часто мы преувеличиваем универсальность концептосферы как результата всеобъемлющего когнитивного освоения действительности, и прав профессор Савицкий, утверждая, что «наряду с концептосферой имеется сфера коллективных представлений; есть и логико-понятийная сфера. <...> ...Концептосфера, создавая свою картину мира, не может претендовать на универсальность охвата действительности. Это только система вех культурного пространства, подобная созвездию – пунктиру, через который проходит контур созданного человеческим воображением рисунка» (с. 39).

В пятом эссе о серьезном («Лингвокультурный концепт и смежные категории») написано весело и несерьезно. Автор по-доброму потешается над молодыми исследователями:

«Диссертанты иной раз норовят назвать все концептом. Видами концептов объявляют фрейм, сценарий, гештальт, понятие и др. По поговорке “Слышал звон, да не знает, где он”, мельком вычитав слово, но не потрудившись уяснить, что оно в точности значит, диссертант спешит применить его, ибо оно модное, и придает ему свое, почти произвольное значение. Так поступал Шалтай-Болтай: он платил словам сверхурочные, чтобы они означали то, что ему хотелось» (с. 45). Читатели наверняка получат истинное удовольствие от описания казусов, случившихся на защитах тех диссертантов, которые не потрудились разобраться с истинным смыслом тех терминов, которые так или иначе употребляются в отношении концепта.

Однако о разграничении терминов «концепт» и «фрейм», которое удивительно логично, просто и понятно представлено профессором Савицким, стоит в рецензии упомянуть: «Фрейм концепта – это определенного типа схема связей между элементами в концепте, а не весь концепт во плоти его смыслового наполнения. Сказать: “фрейм есть разновидность концепта” – это все равно что сказать: “скелет есть разновидность человека”. И даже не настоящий скелет, а его анатомический муляж. Бр-р. Хорош человек! <...> Думаю, не следует писать: “В сознании людей имеется (такой-то) фрейм”. Откуда мы можем знать, что в сознании людей блок информации организован именно в виде фрейма, да еще точно такого, какой мы нарисовали? Полагаю, следует писать: “Согласно нашей гипотезе, в сознании людей существует (такая-то) структура; ее можно изобразить в виде фрейма, отражающего наше научное представление о ней”. Сознание – черный ящик (объект, недоступный прямому наблюдению); модели его устройства создаются на основе данных на входе и выходе, то есть косвенных данных, и представляются в виде схем, в том числе фреймовых. Но нет гарантии полного и точного совпадения наших схем с психологической реальностью. Их совершенствование есть их асимптотическое приближение к подлинной структуре черного ящика» (с. 49–50).

Почувствительны для молодого исследователя пассажи о взаимоотношении знака и концепта, имени и концепта, названия и концепта;

о том, «что обычно концепт выступает как означаемое (десигнат) знака, но он может стать и его обозначаемым (денотатом). Ряд знаков может десигнировать один и тот же концепт, но один из знаков выбирается, чтобы его также денотировать и номинировать. <...> Обозначение объекта и означивание концепта суть разные вещи. <...> Некоторые люди не улавливают разницы между десигнатором и номинатором концепта и потому говорят, что концепт закреплен лишь за одним словом или что он может быть представлен только существительными» (с. 59).

В целом, заслуживает пристального внимания весь подраздел, посвященный концепту и знаку – мне не приходилось еще читать столь подробный анализ взаимоотношений семиотики и концептологии. Мы многое узнаем о сходных (по крайней мере, поверхностно сходных) феноменах соположенных лингвоконцептологии дисциплин – логики (понятие и суждение), лингвосемантики (значение и смысл); благодаря доступной форме объяснения диссертанту станут понятны специфика, отличия и сходства, а также аппликативный эффект этих знаний. Важны сведения о взаимосвязи концепта и текста: как показано в пособии, последний складывается из концептов предикативно и сюжетно-композиционно. Автор полемизирует с теми, кто доказывает существование текстовых концептов, поскольку усматривает в их рассуждениях логическую ошибку (с. 66).

Объем рецензии не позволяет в полной мере отразить удовлетворенность «собрата по цеху» рецензируемой книгой: предоставим читателю возможность самому освоить все, что предлагает В.М. Савицкий использовать при исследовании концептов в рамках сопоставительного подхода (эссе 6); тем, кто так или иначе связан с лингвоконцептологическими изысканиями, будут полезны рассуждения автора об адекватности применения соответствующих методов исследования (эссе 7).

В заключение хотелось бы отметить мощный дидактический и педагогический потенциал того, что скромно именуется в библиографическом описании как «учебное пособие». На самом деле это обширный комплекс стратегий и тактик для методически и лингвистически грамотного осуществления исследова-

дования чрезвычайно сложной и скупой раскрывающей свои тайны научной области – лингвоконцептологии. Диссертанты получают очень подробные, реалистичные и взвешенные советы, в частности такие: «нетривиальных результатов можно достичь, если ориентироваться не на расхожие мнения и авторитеты, а на результаты сбора языкового материала и адекватные методы. <...> Если молодой исследователь будет все время смотреть на объект сквозь очки авторитетов, он не увидит в нем ничего сверх того, что в эти очки видно, то есть не продвинется вперед. Ему следует, посмотрев на объект сквозь чужие очки и учтя увиденное, затем надеть *свои* очки и посмотреть на объект еще раз (и еще много-много раз). Тогда он наверняка увидит в объекте что-нибудь новое» (с. 69).

Дидактизм пособия просматривается и в том, что аспирантам предлагается не просто воспринять мнения и суждения, сомнения и уверенность автора книги, но обдумать написан-

ное, высказаться самим «по поводу», покопаться в литературе, которая предлагается для дополнительного чтения, обсудить обозначенные проблемы и исследовательские вехи лингвистики в целом и лингвоконцептологии в частности – в Приложениях 1 и 2 рекомендованы темы докладов и вопросы для обсуждения.

Возможно, меня упрекнут в том, что мною не было указано ни одного положения, высказанного профессором Савицким, с которым я был бы категорически (отчасти, некоторым образом и т. п. – градация известная) не согласен. Пусть упрекают: вступать в полемику с автором труда, отражающего осмысление парадоксов, связанных с языком и сознанием, неконструктивно. Вместо полемики в режиме «согласен v.s. несогласен» я бы пригласил научную общественность к дискуссии на тему «Как нам успешно реорганизовать и укрепить науку лингвоконцептологию». Книга В.М. Савицкого – прекрасные пролегомены к новой и интересной теории.

А.В. Олянич